

УДК

**ЭЛЕМЕНТЫ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В РАССКАЗЕ А.МАКОЕВА
«ОСТРОВ ГНОМА»**

THE FAIRY TALE ELEMENTS IN THE SHORT STORY OF A. MAKOEV
"THE ISLAND OF THE GNOME"

Название секции: Философия и филология

Мурнаева Л.И., доцент

ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

Россия, Пятигорск

Аннотация:

В статье анализируется рассказ А.Макоева «Остров гнома». На основе пропповской классификации элементов волшебной сказки делается вывод о почти полном совпадении этого реалистического рассказа со структурой волшебной сказки, что является оригинальным авторским художественным приемом.

Summary:

The article investigates the short story "The Island of the Gnome" by A. Makoev. On the basis of the Propp's classification of the fairy tale elements the conclusion is made about the almost complete coincidence of this realistic story structure with the structure of a fairy tale, what is the author's original method.

Ключевые слова: Пропп, волшебная сказка, реалистический рассказ, элементы, дискурс, структура, межжанровый текст, Макоев

Keywords: Propp, fairytale, realistic story, elements, discourse, structure, inter-genre text, Makoev.

Рассказ Амира Макоева «Остров гнома» [1] привлекает оригинальностью архитектоники: он выстроен по «пропповским» моделям волшебной сказки, представляя собой межжанровую конструкцию, сочетающую элементы «волшебного» дискурса с реалистическим хронотопом.

Сюжет рассказа прост. Главный герой – мальчик по имени Тимур, играя во дворе, случайно слышит разговор взрослых, из которого явствует, что его родители погибли в автокатастрофе. И хотя ему никто прямо этого не говорит, он сразу понимает, что случилось. Не подавая вида, что он все знает, Тимур совершенно спокойно и деловито решает ... оживить родителей. Вместе с младшей сестрой он отправляется к дереву, растущему на острове посреди небольшого озера, – под этим деревом, как много раз рассказывал Тимуру отец, живет маленький гномик по имени Оки-Фиоки, который может исполнять желания. Рассказ, собственно, и есть описание этого небольшого похода-путешествия двух малышей-сирот.

Такова формальная, сюжетная сторона. Нам интересно то, что делает этот текст специфичным в архитектурном смысле. Прежде всего это наличие нескольких четко прослеживаемых функциональных элементов волшебной сказки, выявленных и описанных В.Я.Проппом [4].

Проанализировав структуру народной сказки, В.Я.Пропп сформулировал следующие три принципа: 1) «Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются», 2) «Число функций, известных волшебной сказке, ограничено», 3) Последовательность функций всегда одинакова» [4: 22].

По Проппу, постоянными, повторяющимися элементами волшебной сказки являются следующие функции действующих лиц: *отлучка, запрет, нарушение запрета, разведка вредителя и выдача ему сведений о герое, подвох и пособничество, вредительство (или недостача), посредничество, начинающееся противодействие, отправка, первая функция дарителя и реакция героя, получение волшебного средства, пространственное перемещение, борьба, клеймение героя, победа, ликвидация недостачи, возвращение героя, преследование и спасение, неузнанное прибытие, притязания ложного героя, трудная задача и решение, узнавание и обличение, трансфигурация, наказание, свадьба* (совпадения подчеркнуты нами – Л.М.). Не все функции обязательно наличествуют в каждом фольклорном сказочном

тексте, однако номенклатура их жестко ограничена, и порядок, в котором они выступают в ходе развертывания действия сказки, неизменен. Также устойчив и набор ролей, которые распределяются между конкретными сказочными персонажами. Таких ролей семь. Каждый из семи действующих лиц, а именно: *антагонист (вредитель)*, *даритель*, *помощник*, *царевна или ее отец*, *отправитель*, *герой*, *ложный герой* (подчеркнуто нами – Л.М.), имеет свой круг действий, выполняет одну или несколько функций.

Таким образом, В. Я. Пропп разработал две структурные модели волшебной сказки, в основе первой лежит временная последовательность строго определенных действий-функций, в основе второй – ограниченный реестр действующих лиц с их ролями. Круг действий (т.е. дистрибуция функций по ролям) ставит вторую модель в зависимость от первой - основной.

Мы возьмем за основу следующее определение В. Я. Проппа для волшебной сказки: «рассказ, построенный на правильном чередовании приведенных функций в различных видах» [4:91]. По Проппу, «сказка обычно начинается с некоторой исходной ситуации. Перечисляются члены семьи, или будущий герой ... просто вводится путем приведения его имени или упоминания его положения. Хотя эта ситуация не является функцией, она все же представляет собою важный морфологический элемент... Мы определяем этот элемент как исходную ситуацию. Условный знак — *i*» [4:26].

Рассмотрим начало рассказа «Остров гнома»: «Тимур находился в сарае и стругал отцовским ножом деревянную саблю, когда услышал шум подъехавшей машины, а затем голоса незнакомых людей. Он спрятал нож в выдвижной ящик стола, повесил пилу на гвоздь и, прильнув к щели между досками, посмотрел на двор» [1:126]. Герой, как видим, вводится в первом абзаце. Мальчика зовут Тимур. Это имя широко распространено на Кавказе, по разным источникам оно либо арабского, либо тюркского происхождения, в переводе означает «железный». На Востоке это имя прежде всего ассоциируется с легендарным завоевателем Тамерланом (Тимур-Ленгом).

Автор не указывает прямо возраст Тимура, но в диалоге двух взрослых, подслушанном мальчиком, дается такая информация:

« “А что, остались за ними дети?” – “Говорят, двое, – ответил другой. – Одному вроде бы шесть или семь, а девочке около четырех”» [1:126].

Из разговоров взрослых становится понятным, что случилось с родителями Тимур: машина, в которой ехали его отец и мать, совершила лобовое столкновение с грузовиком. Никто не выжил. Мальчику никто об этом не говорит, но он, по косвенным признакам, по фразам взрослых, по их взглядам сразу понимает, что родители погибли. Так начинается действие, завязывается сюжет. Перед нами классическая «исходная ситуация по Проппу»: назван герой, именно назван, скорее, обозначен, без уточняющих и индивидуализирующих признаков. Определено его «положение», его статус: «сын потерявший родителей», тем самым вводится такой фундаментальный фольклорно-сказочный мотив, как мотив «сироты». Интересно, что исследователь и продолжатель идей Проппа Мелетинский развивал эту идею, подробно рассматривая архетипический мотив «сиротки», подчеркивая, что он «не является плодом мифических, фантастических представлений, он глубоко реалистичен. Это чисто бытовой социальный мотив, возникший в результате социальных процессов... Вместе с тем этот реалистический мотив играет важную роль в формировании волшебной сказки; мифические силы в сказках о сиротке теряют свою «этнографическую» магическую конкретность и превращаются в новое, фантастическое воплощение общественных сил, вознаграждающих социально обездоленного как жертву нарушения первобытнообщинного равенства» [2:54-55]. Как видим, начало рассказа полностью соответствует канонам жанра волшебной сказки. В описании места действия прослеживаются те же принципы. Так, из нескольких фраз читатель понимает, что это не город, а, скорее, село. Тимур живет в большой частном доме, утопающем в зелени, вокруг много фруктовых деревьев, цветочных клумб, есть хозяйственные постройки, двор асфальтирован – это все признаки достатка и благополучия: «Тимур перебежал двор, обжигая босые ноги о

горячий асфальт, и встал на зеленую травку цветника, разбитого под окнами дома ...согнав с ярко-красной розы пчелу...» [1:127]. Здесь мы обратимся к Проппу, который отмечал: «Сказка ... дает внезапное (но все же известным образом подготовленное) наступление беды. В связи с этим начальная ситуация дает описание особого, иногда подчеркнутого благополучия. У царя — прекрасный сад с золотыми яблоками; старики нежно любят своего Ивашечку и т.д. ...Это благополучие, конечно, служит контрастным фоном для последующей беды. Призрак этой беды уже невидимо реет над счастливой семьей» [4:27]. Благополучна семья Тимура, он живет в достатке, в любви, в прекрасном доме с садом — фон действительно «сказочный». И происходит на этом фоне то, о чем писал дальше Пропп: «Самая отлучка старших эту беду подготавливает, она создает удобный момент для нее. Дети после ухода или смерти родителей предоставлены сами себе» [4:28]. Именно так и развивается ситуация в рассказе. Тимур с сестрой остаются одни.

По Проппу, в волшебной сказке вслед за начальной ситуацией идут функции в следующем порядке: «I. Один из членов семьи отлучается из дома (определение: отлучка, обозначение *e*). 2) Усиленную форму отлучки представляет собой смерть родителей (*e2*). 3) Иногда отлучаются лица младшего поколения... Обозначение *e3*». И далее, вторая базовая функция: «II. К герою обращаются с запретом (определение — запрет, обозначение *b*)» [4:26]. Здесь важно отметить специфическую парную связь запрета (табу) и его нарушения. Пропп пишет: «Запрет в фольклоре всегда нарушается. Иначе не было бы сюжета. Запрет и нарушение — парная функция. Таких парных функций в сказке много [5:201]. В начале рассказа Тимур строгаёт палочку отцовским ножом, который ему запрещено брать. Узнав о гибели родителей, мальчик понимает, что нужно что-то срочно делать. Что же предпринимает Тимур? Он нарушает запрет уходить из дома и отправляется за волшебным средством спасения: «Тимур... вышел на улицу... Через несколько дворов он встретил играющую с другими детьми Люсю. Она увязалась за ним» [1:127].

Здесь мы встречаем еще один типичный сказочный мотив: младший (брат или сестра) следует за старшим. Оба они сознательно нарушают запрет.

Пропп выделяет нарушение запрета как отдельную самостоятельную функцию: «III. Запрет нарушается (определение — нарушение, обозначение *b*). Формы нарушения соответствуют формам запрета. Функции II и III составляют парный элемент» [4:28]. То есть уход Тимура из дома – это функция *б*, а нарушение запрета – функция *b*.

Однако связь со сказкой этим не ограничивается – напротив, сама причина ухода героя из дома и нарушения запрета-табу предельно сказочная, волшебная: «Мы идем на озеро, – объяснил, наконец, Тимур... Мы пойдем на верхнее озеро, за селом. Я с папой туда ходил рыбу ловить. Аж два раза. Мы уходили рано утром, ты всегда в это время спала. Папа мне рассказывал, что на острове этого озера живет гном. У него есть волшебная палочка, и он умеет делать всякие чудеса. Все чудеса, какие пожелаешь. ... Мы идем не за подарками. Не понимаешь, что ли. Я буду просить, чтобы он оживил папу и маму. Мы ведь не себе что-нибудь просить идем - он должен исполнить» [1:128].

Интересно, что Тимур логически обосновывает необходимость взять с собой младшую сестру: «...папа говорил, что если детки непослушные, то он ничего им не подарит, не исполнит их желания. А я сегодня брал папин столярный нож - он мне не разрешал его брать. Мне он теперь, наверное, ничего не подарит и желания не исполнит. А тебе подарит, если ты не баловалась и была послушной» [1:128]. Таким образом, у рассказа, развивающегося по жесткому канону волшебной сказки, есть как бы вторичный сценарий, созданный уже не автором, а самим персонажем.

Итак, экспозиция и завязка сюжета рассказа идеально укладываются в модель волшебной сказки Проппа: «исходная ситуация» *i* рисует нам «ущербного» героя, «сироту», который вместе с маленькой сестрой благополучно живет в своем доме с родителями, «запрещающими» им уходить далеко от дома - *б*, но после их гибели «нарушает запрет» *b* и «отлучается» *e2*.

Цель – поиск волшебного средства для спасения родителей - одна из ведущих функций волшебной сказки. В работе «Русская сказка» Пропп пишет: «...герой отправляется избыть чужую беду. Он ищет похищенных царевен... добывает для отца молодильные яблоки, и т.д. Это герой-искатель» [5:204].

Интересно, что Пропп дифференцирует простую отлучку из дома и целенаправленный уход из дома главного героя. Так, он выделяет специальную функцию: «XI. Герой покидает дом (определение — отправка, обозначение ↑). Эта отправка представляет собою нечто иное, чем временная отлучка, обозначенная выше знаком *e*» [4:38]. Иными словами, после ухода начинается собственно само путешествие-поиск, и герой, отправляющийся в это путешествие, определяется Проппом как играющий роль героя-искателя: «... путь, за которым следит рассказ, путь, на котором строится действие, есть путь искателя... Знак ↑ обозначает путь героя..» [4:38].

Итак, дополним получившуюся схему знаком ↑ :

i - б, -b - e2- ↑.

Указанные элементы, как считает Пропп, представляют собою завязку сказки. Далее развивается ход действия. Как и в волшебной сказке, в рассказе «Остров гнома» все последующее повествование представляет собой описание пути маленьких брата и сестры к волшебному дереву, под которым живет маленький гном. Само дерево находится на острове, добраться к нему можно только на лодке. Но перед этим необходимо преодолеть большое открытое пространство, поле, лес. На этом пути, как и положено по законам жанра, детям встречаются незнакомцы – каждый из них чем-то помогает странникам, кормит, показывает дорогу. Как отмечал Е.С. Новик, дорога и чистое поле не имеют хозяев, а персонаж, находящийся в этих *locus'*ах, лишен «своего» места, делокализован и либо обладает неограниченной свободой перемещений... То же можно сказать и о делокализованных персонажах, для которых дорога — обычное место обитания. «Это бродяги, попутчики, проводники, провожатые, которые, не являясь «хозяевами» или «сторожами» определенного *locus'*а, обладают способностью преодолевать границы

сказочного пространства. Принадлежа пространству «дороги», они являются своего рода персонификациями пути» [3:149].

И вот, преодолев все препятствия, дети добираются до цели своего путешествия – дерева. «...Тимур побежал к одинокому дереву. Его могучие ветви, сопротивляясь напору ветра, ныли и скрипели. Когда Тимур подошел ближе, дерево зашипело на него своей листвой. Словно не желая выдавать своей тайны, оно будто бы говорило ему: “Прочь отсюда, мальчишка, я сотни лет берегу волшебную тайну и тебе ее не выдам”» [1:134]. До самой развязки сохраняется волшебная инореальность, однако случается неизбежное: сказочный дискурс разрушается лишь в последних абзацах – несмотря на все призывы, волшебный гном к детям не выходит.

«Остров гнома», таким образом, представляет собой достаточно оригинальный текст – выстроенный по пропповским канонам волшебной сказки, однако стопроцентно реалистический, что является весьма показательным для определенного сегмента современной русскоязычной кавказской прозы.

Список литературы:

1. Макоев А.Л. Остров гнома /Мегалог – Международный литературно-художественный и публицистический журнал, Пятигорск, 2008. – С. 126-134.
2. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. — М.-СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. — 240 с.
3. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д. М. Структура волшебной сказки. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 234 с
4. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Изд-во “Лабиринт”, 2001. – 192 с.
5. Пропп В.Я. Русская сказка. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) Научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. – М.: Изд-во “Лабиринт”, 2000. — 416 с